

о чем свидетельствует сохранившееся в русском языке ударение на последнем слоге (в арабском — на первом: *на'иб*).

Форма множественного числа *ну'й'аб* от арабского причастия *на'иб* легла в основу русского слова *набоб*.

Известно, что в начале XI века некоторые области Индии были присоединены к «империи ислама», к этому времени и относится расцвет мусульманских колоний, управляющихся *набобами*. Индийцы часто употребляли множественное число (из-за экзотического его образования) вместо единственного, поэтому в Индии и распространилась форма *ну'й'аб*. А так как в арабском языке гласные звуки на письме не обозначаются, то гласную первого слова стали читать как *а*, двойной губной *й'й* уподоблялся следующему согласному *б*, а долгое *а* могло переходить в *о*.

Арабское *ну'й'аб* стало звучать как *набоб*, *набаб* или *наваб* (Словарь иностранных слов).

Впоследствии (после падения государства Великого Могола) этот титул получали правители, которые в качестве вассалов подчинялись британскому владычеству. Позже его стали давать знатным индусам, а в обыденной речи так называли разбогатевших в Индии англичан или просто очень богатых людей. Например: «Сумасбродный и расточительный князь, влюбленный в княжну, давно на нее сорил деньгами, как индийский *набоб*» (Данилевский. Княжна Тараканова); «Разве мало таких *mésalliance* устраивают русские *набабы*» (Мамин-Сибиряк. Горное гнездо).

Существительное *набоб* попало в русский язык сравнительно поздно (не раньше XVIII века) при посредстве французского, который в свою очередь позаимствовал его у англичан (английское *nabab* или *nabob*, французское *naabah*).

«Словарь на семи языках» А. и В. Поновых (1902) отмечает производные от *набоб*: *набобское* достоинство и *набобство*.

Т. П. ГАВРИЛОВА
Баку

УФИМЕЦ

Вопрос. Чем объяснить, что в наименованиях жителей г. Уфы появился звук *м* — *уфимец*? В других аналогичных случаях мы имеем на конце *-инец*, например, *Чита* — *читинец*, *Ялта* — *ялтынец*.

Ответ. Относительно появления в прилагательном *уфимский* звука *м* мы не располагаем никакими данными. Можно лишь сделать предположение, что звук *м* здесь давал возможность избежать созвучия с прилагательным *финский*.

«Русский язык в школе» (1962, № 1)

Слово *уфимец* стоит особняком среди большой группы русских слов, обозначающих лиц по месту, где они родились или постоянно живут (например: *варшавянин*, *волгарь*, *дальневосточник*, *костромич*, *лондонец*, *сибиряк*, *харьковчанин*, *ярославец*). Самый распространенный суффикс, участвующий в образовании таких слов, — *-ец*.

В ряде случаев в производных словах появляются дополнительные звуки и слоги, облегчающие присоединение суффикса *-ец* к производящей основе: Дно — дновский, дновец; Дели — делийский, делиец (множественное число — делийцы); Пенза — пензенский, пензенец. Чаще всего роль промежуточного звена выполняет суффикс *-ин*: Туапсе — туапсинский, туапсинец; Чита — читинский, читинец; Ялта — ялтинский, ялтиненец... И вдруг слова *уфимский, уфимец* с их загадочным *-им-*.

Необычный звуковой облик этих слов постоянно привлекает к ним внимание. Уже давно замечено, что звук *м* удачно «вписался» в их фонетическую оболочку. Замечательный языковед середины прошлого века К. С. Аксаков писал: «Как прихотлив кажется он [народ] в производстве названий жителей от имен городов! Он говорит: москвич, сибиряк, костромич, тверич, туляк, калужанин, уфимец. Здесь трудно ошибиться: внутренний голос, внутреннее чувство народа говорит, как надо сказать» (Несколько слов о нашем правописании. «Московский сборник», 1846). И все-таки: по какой причине и когда появился звук *м* в словах *уфимский, уфимец*? Или так было всегда? Обратимся к истории.

Уфа как крепость была основана недалеко от устья реки Уфы в 1574 году; в 1586 году крепостное поселение получило статус города. Если существительное, обозначающее жителя Уфы, не должно было появиться раньше возникновения самого города-крепости (то есть не раньше последней четверти XVI века), то прилагательное от названия реки могло существовать и прежде. Производные от имени Уфа в соответствии со словообразовательными

нормами русского языка должны были иметь суффикс *-ин-*: *уфинский, уфинец*. Это предположение. О чем говорят факты?

В нашем распоряжении находятся документы начиная с 1600 года. Это переписка уфимских воевод с другими воеводами и с центральной властью, опубликованная в изданиях: В. А. Новиков. Сборник материалов для истории уфимского дворянства. Уфа, 1879; Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. М.—Л., 1936; Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. II. М.—Л., 1941. Проследим, как писали в первой половине XVII века интересующие нас слова. Для этого выберем данные хотя бы за несколько лет (с указанием места появления документа):

- 1600: в Уфинском уезде (Тюмень). с уфимским новокрещеном с Рудаком (Уфа; см. ниже ответ из Тюмени), уфинских башкирцев (Уфа).
 1607: уфинские волости (Верхотурье).
 1616: под Уфинский город (Москва).
 1625: в Уфинском уезде (Тобольск).
 1635: имена уфимским конным стрельцам (Москва), уфинцам детям боярским (Москва), Уфинский уезд (Москва), в Уфинском уезде (Москва).
 1640: Уфимского уезду (Уфа), Уфимского города (Уфа).
 1647: с тем уфинским изменником (Москва), уфинца Семена Гладышева (Москва), уфимским детям боярским (Москва), уфинцы с детьми боярскими (Москва).
 1648: уфинцу Григорию Зыкову (Уфа).

Вот наиболее интересные примеры: «...писал еси мне с уфимским новокрещеном с Рудаком с Федоровым, что блин челом государю... Уфинского уезду Каратабинской волости ясные башкирцы...» (1600. Тюмень); «...а ныне де Ишим кочует на Уфском устье и пошел в

Уфимские волости старых людей табынцов сыскивати; ...и к нему съехались Уфинсково уезду Катайские волости татарове» (1623. Тюмень); «А отойти ему, Федору, в Уфимском уезде в крепком укрытом месте с великим береженьем, чтоб Уфинскому уезду башкирцев побивать... не дать покаместо царевичу Аблаю» (1635. Москва); «Список уфимцам дворянам и детям боярским...» (там же): «Память уфинцу Миките Алексеевичу Лопатину, ехать ему в Уфимский уезд...» (1671. Москва).

Письменные источники первой половины XVII века свидетельствуют о том, что ни в произношении, ни на письме употребление *н* и *м* в производных от географического имени *Уфа* не создавало смыслового различия, что смещение *н* и *м* здесь наблюдалось с самого начала (по меньшей мере, с конца XVI века, потому что оно есть уже в документах 1600 года); что, начатое как диалектное явление, оно приобрело общерусский характер (выписки сделаны из документов, составленных в Уфе, Москве, Тюмени, Тобольске, Верхотурье и других городах); что *н* использовался в пять-шесть раз чаще, чем *м*, и что, следовательно, интересные нас слова употреблялись преимущественно в той форме, которая отвечала и продолжает отвечать нормативной грамматике, — с суффиксом *-ин-* (уфинский, уфинец).

Смещение *н* и *м* в производных от названия *Уфа* прослеживается и дальше, вплоть до конца XVIII века: в письмах и бумагах Петра Великого, в сочинениях историков и географов П. Рычкова, Ф. Полунина, В. Татищева и др. Однако с течением времени увеличивается удельный вес *м*: в середине

XVIII века примеров с *м* уже не меньше трети. Это превращает формы с *н* и *м* в нормативно-вариантные, стилистически равноценные, различающиеся лишь степенью употребительности: «...и башкирцом велено следовать в Красноуфинск в команду подполковника князя Путятина... И ис Красноуфимска велено следовать реченному подполковнику Путятину...» (1740); «Красноуфинская крепость ...в вершинах реки Уфы» (Ф. Полунин. Географический лексикон Российского государства. 1773); «По ней [р. Уфе] две крепости: Красноуфимская и Елдацкая» (там же).

В официальном языке прилагательное *уфимский* окончательно приобретает современный облик во второй половине XVIII века (см., например, наказ уфимского дворянства депутату в Комиссию о составлении нового уложения. 1767). Этой унификации написания способствовало и образование в 1781 году Уфимского наместничества. Для писателя С. Т. Аксакова, родившегося в 1791 году в Уфе, прилагательное *уфимский* стало уже единственно возможным; тем более оно было нормой для его сына, мнение которого цитировалось выше. Таким образом, можно утверждать, что современное написание слов *уфимский*, *уфимец* окончательно закрепилось в литературном языке к концу XVIII века.

Научное объяснение причины появления *м* на месте *н* в словах *уфимский*, *уфимец* находим у академика А. И. Соболевского: «По-видимому, мы имеем дело со своеобразной ассимиляцией — с ассимиляцией отделенных друг от друга губного и *н* [то есть с межслоговой ассимиляцией.— Е. Л.], закончившейся переходом *н* в *м*» (Мелкие

заметки по славянской и русской фонетике). Иными словами, *м*, как пишет А. И. Соболевский в другой своей работе — «Благозвучие в жизни языка», вытеснил в данном случае *н* «под влиянием губного *ф*», что и придало словам *уфимский*, *уфимец* ту звуковую гармонию, которая отмечена в середине прошлого века К. С. Аксаковым, а недавно К. И. Чуковским: «Язык отвергает всякую звуковую несладкую и требует — настоятельно требует — наиболее гармоничного сочетания звуков. Чтобы назвать жителя Баку, язык для благозвучия использовал суффикс со звуком *н*: баклинец. А чтобы назвать жителя Уфы, — суффикс со звуком *м*: уфимец. Всюду сказывается музыкальное ухо народа, не терпящего никакой какофонии» («Литературная газета», 6 октября 1962).

Вот еще примеры той же ассимиляции (уподобления одного звука другому), о которой писал А. И. Соболевский и которая действует в производных от географических имен: Брынь — брымский (пример Соболевского), с. Барда (Пермская обл.) — бардымский (Бардымский район), бардымец.

История слов *уфимский*, *уфимец* показывает, что в их производстве с самого начала участвовал обычный суффикс *-им-*, согласный звук которого изменился в *м*: при этом ассимилятивное воздействие звука *ф* было столь не безусловным, что понадобилось двести лет, чтобы эти слова бесспорно утвердились в их нынешнем звуковом облике. Поэтому нельзя говорить, что в современном русском именном словообразовании участвует суффикс *-им-*.

Прилагательное *уфимский* и существительное *уфимец* являются

словами, которые не отвечают типовым моделям литературного словопроизводства. Такие слова приходится держать в уме и — из памяти в память — передавать последующим поколениям.

Е. А. ЛЕВАШОВ
Ленинград

КИНЖАЛ

Слово *кинжал* давно уже вошло в русский литературный язык. Ипервые оно отмечено в «Рукописном лексиконе первой половины XVIII века», который недавно был издан Ленинградским университетом (1964). Первое толкование слова *кинжал* как остроконечного, короткого, к черенку широкого, обоюдоострого оружия дано в «Словаре Академии Российской» (СПб., 1789—1794). С этого времени слово не сходит со страниц толковых, этимологических и диалектных словарей, а в XIX веке под пером таких писателей, как Пушкин, Лермонтов, Л. Толстой, оно обретает «права гражданства» в языке литературы.

К истории и этимологии *кинжал* обращались многие известные исследователи. В конечном счете все авторы видели в нем арабо-персидское слово, проникшее в русский язык через тюркскую среду. Наиболее интересные суждения об этом слове были высказаны